

Синопис к пьесе – Король Генрих VIII и его королевы»

Предисловие...

Генрих VIII, пожалуй, самый впечатляющий и самый известный король Англии. Он прошел путь от обаятельного и харизматического принца до жестокого короля, в равной степени проклинаемого и восхваляемого. Правитель, изменивший Англию навсегда. Тиран. Любитель женщин. Один из самых легендарных британских монархов Генрих VIII несший корону и бремя власти целых 38 лет. Генрих VIII «отменил» католическую церковь и конфисковал имущество монастырей и стал основателем англиканской религии и церкви Англии. Он принадлежал к духовным и физическим отцам английского флота и создал условия для подъема Англии как сверхдержавы. Но больше всего он известен как муж шести женщин, чья судьба до сих пор помнит старая детская считалка: "Разведена, обезглавлена, умерла, разведена, казнена, выжила".

Жанр: Драма

Молодой лекарь Георг Хубер входит в опочивальню короля Англии. Он давно обеспокоен не только физическим, но больше душевным состоянием здоровья своего монарха. Георг склоняется над кроватью Генриха и к своему удивлению, не находит на ней своего господина. Он начинает его искать, и вскоре находит. Король весь дрожит от страха и с нескрываемым ужасом указывает Хуберу, на четыре тени, которые находятся в его спальне и траурным шествием обходят королевское ложе. Но лекарь ничего не видит и пытается уговорить короля снова лечь в постель. Но безумный сатрап ничего не хочет слышать и призывает на помощь свою стражу. Генрих дает приказание арестовать не только своего лекаря, но и четырех женщин вместе с ним. Стража готова выполнить любой приказ его августейшего величества и арестовывает Хубера, но никак не возьмет в толк, каких ещё государственных преступников надо препроводить в Тауэр. Георг понимает, что обречен, поэтому он идёт на хитрость, и обращается к Генриху с величайшей просьбой сохранить жизнь четырем женщинам. Король с удивлением смотрит на своего лекаря, как на единственного свидетеля, который наяву может подтвердить его безумные видения. Вскоре Генрих отсылает свою стражу и остается с лекарем наедине. Наступает долгая и холодная ночь, полная бесстрашных вопросов и беспощадных ответов на них, когда никому не надо больше притворяться друг перед другом, потому что для кого-то она станет последней. Уставший и обессиленный Генрих VIII рассказывает о своей жизни и судьбе, которая неразрывна, связана с историей Англии. Но женские тени, одна за другой уже направляются в сторону своего супруга, и застывшие от ужаса глаза молодого лекаря, говорят больше, чем его уста.

«Пьеса - «Король Генрих VIII и его королевы»

Действующие лица:

1. Генрих VIII – король Англии
2. Екатерина Арагонская – первая жена Генриха, мать будущей королевы Марии.
3. Анна Болейн – вторая жена Генриха, мать будущей императрицы Елизаветы Великой.
4. Джоанна Сэймор – третья жена Генриха, мать Эдуарда Шестого.
5. Екатерина Говард – пятая жена Генриха.
6. Георг Хубер – лекарь короля.
7. Офицер, два стражника, писарь.

События происходят в ночь с 27 на 28 января 1547 года.

Покои короля. Камин пылает в правом дальнем углу. Слева, стоит прямоугольной резной деревянный стол и несколько стульев. На столе лежат многочисленные свитки. В центре комнаты на дальнем фоне находится королевская кровать. По периметру покоев горят свечи не очень ярко. Стены занавешены дорогими гобеленами и картинами на библейские сюжеты. В опочивальню короля входит молодой лекарь.

Георг (тихо). Ваше Высочество. (Подходит к кровати.) Ваша милость, где вы? Милорд?!

Георг внимательно осматривает постель короля, и понимает, что на неё так никто и не ложился. Он пятится от неё, и упирается в левую стену королевских покоев, которая занавешена гобеленом.

Георг (громко). Ваше высочеч... (Он не успевает до конца произнести свою фразу, как кто-то хватает его из-за спины и сильной рукой прерывает его воззвание к королю).

Генрих (стоит в одной ночной рубашке, сверху накинут халат). Ты почему кричишь в покоях короля?! Еще одно слово и я придушу тебя.

Георг. Ваше высочество – это вы?

Генрих. Заткнись идиот!

Георг. Теперь я знаю, что это действительно вы. Я узнаю речь и руку своего господина.

Генрих (по-прежнему не выпускает молодого лекаря из своих рук). Ты кто такой?

Георг. Я ваш новый лекарь.

Генрих. А старый где?

Георг (снова говорит во весь голос). Вы казнили его!

Генрих. Клянусь Богом, если ты и дальше будешь, поднимать голос на своего короля, то эта участь постигнет и тебя.

Георг (миролюбиво). Молчу,... молчу.

Генрих. Что за стук раздаётся у меня под окном? (Но не получив ответа, он выпускает из своих рук лекаря, который еле дышит). Ты что оглох, я тебя спрашиваю?!

Георг. Но вы сами запретили мне говорить?

Генрих. Я приказал тебе не кричать. Ну, же, отвечай мне!

Георг. Это строят новый эшафот.

Генрих. Для кого?

Георг. Для герцога Норфолка и его сына.

Генрих (многозначительно). А-ааа... (Пытается, вспомнить.) А что же они сделали?

Георг. Их признали виновными в государственной измене.

Генрих. Я так и думал. Все ополчились против меня. Вы, только и ждёте, когда я умру, а лучше буду, зарезан или отравлен религиозным фанатиком. Ну, почему вы не оставите меня в покое?! Я так устал!..

Георг. Вам надо прилечь, Ваше Высочество. Вы так и не ложились. Почему?

Генрих (подносит указательный палец к губам). Тсс-с. Это государственная тайна.

Георг. Давайте, я помогу вам, Ваше Высочество и проведу вас до кровати.

Генрих (отвергает руку помощи и отчитывает лекаря). Как смеешь ты, так обращаться ко мне – к сюзерену трех королевств!

Георг. Трех?

Генрих. Я - Генрих Восьмой - король Англии, Франции и Ирландии.

Георг. Простите меня, Ваше Величество. Пусть бог будет милостив к моему королю и дарует ему ещё много лет жизни.

Генрих. Как тебя зовут?

Георг. Георг Хубер.

Генрих. Откуда ты?

Георг. Из Швейцарии.

Генрих. Твой акцент выдаёт тебя с головой. А что в Англии уже не осталось своих лекарей? Или кто-то отменил закон Ричарда III об иностранцах?!

Георг. Я ученик великого лекаря Парацельса.

Генрих (немного задумавшись). Я что-то слышал о нем. Надеюсь, его сожгли на костре, как еретика?!

Георг. Он умер.

Генрих. Жаль. (Пауза.) Значит он, как и Эразм Роттердамский избежал суда церкви.

Я подозреваю, что именно с него и пошла вся ересь по Европе. Все проклиняют Лютера, а он лишь высидел яйца, которые снес этот голландец - гуманист.

Значит ты то же протестант?!

Георг (говорит еле слышно). Да.

Генрих. И ты пришел, чтобы убить меня?

Георг (медленно, шаг за шагом ведёт короля к кровати). Вы третью ночь не спите Ваше Величество, так нельзя. Ваш организм истощён. Вам надо отдохнуть.

Генрих соглашается с лекарем, и уже садится на кровать, как неожиданно вскакивает с нее, и не в силах скрыть свой ужас, что-то нечленораздельное произносит и снова прячется за гобеленом. Лекарь пытается образумить Генриха, но король весь дрожит от страха.

Генрих. Они снова пришли.... Как вороны кружат вокруг моего ложа.

Георг. Не понимаю, кто они?! Я никого не вижу, Ваше Величество.

Генрих. Ты что ослеп?! (Указывает трясущейся рукой в сторону своей постели.)

Четыре мёртвые тени там склонились. Стоят в черных монашеских одеяниях и лица их скрыты под капюшонами. Но я все равно узнал их. Ведьмы!

Георг (спокойно). Вам показалось, Ваше Величество. Ложитесь.

Генрих. Ни за что на свете!

Георг (твердо). Как ваш лекарь, я приказываю вам лечь в постель. (Пауза.) Если Ваше Величество пожелает, я могу остаться в вашей комнате до утра.

Генрих. Стража! Стража!

В опочивальню короля вбегают два стражника и офицер.

Офицер. Что прикажите Ваше Величество?

Генрих. Всех арестовать и бросить в Тауэр.

Офицер даёт указания стражникам, и они арестовывают Георга Хубера.

Георг. За что? Что я сделал, Ваше Величество? В чем я провинился?

Генрих. Ты протестант и уже тем самым подписал свой смертный приговор. Увести его... и четырех женщин!

Офицер (удивленно). Женщин? Четырех?

Генрих. Да, именно. Что ты так уставился на меня, болван?!

Офицер (озираясь вокруг). Но женщины не заходили в вашу спальню Ваше Величество, по крайней мере, за последние двадцать четыре часа.

Генрих. Как же они тогда могли появиться здесь? Вы что спали на посту!

Офицер. Никак нет, Ваше Величество. Никто и глаз не сомкнул.

Генрих (в бешенстве) Дармоеды! Вы и протестанта прозевали. Всех казнить... всех. И этого в первую же очередь (указывает на лекаря).

Георг понимает, что обречен и пускается на хитрость, чтобы спасти свою жизнь.

Георг (взывают к милосердию своего сюзерена). Пощадите женщин, Ваше Величество и казните меня одного, но им сохраните жизнь. Ведь они так прекрасны!

Генрих (с сомнением в голосе). Так ты их тоже видишь?

Георг. Да, так явственно, как днем!

Генрих (молится). О, Иисус ты услышал мои молитвы! Благодарю, тебя.

Стража пытается увести лекаря, но недовольный голос короля, останавливает их.

Генрих. Что вы делаете?

Офицер. Сопровождаем государственного преступника в Тауэр!

Генрих. Кто приказал?

Офицер. Вы - Ваше величество!

Генрих. Я? Я отменяю свой приказ. Теперь все пошли прочь. Ты, Георг можешь, остаться.

Король и лекарь остаются вдвоем. Король смотрит сначала в сторону своего ложа, затем на Георга.

Генрих. Так ты действительно их видишь?!

Георг (лжёт). Так явственно как днём.

Генрих (весело хлопает своего лекаря по плечу). Ага, значит я не сумасшедший, как все меня тут пытаются убедить. (Пауза.) Как минимум душевнобольных стало в два раза больше. И очевидцев, кстати, тоже, для которых открылся невидимый, потусторонний мир, где мёртвые тревожат сон живых.

Георг (действительно начинает видеть черные тени, которые со свечами в руках, обходят ложе короля). Я просто не верю своим глазам. Что это?

Генрих. Это только начало. (Пауза.) Сколько еще новых откровений ждет тебя впереди. А пока принеси мне стул. Мне надо сесть. Моя больная нога.

Георг приносит стул и стоит рядом с королем.

Генрих. Почему ты стоишь?

Георг. Я не вправе сидеть в присутствии короля.

Генрих (милостиво). Возьми себе стул и садись рядом.

Георг. Но, Ваше Величество...

Генрих. Я приказываю тебе... Хочешь, я пожалуй тебе и твоим потомкам право сидеть в присутствии короля, когда все другие поданные должны будут, его приветствовать стоя. Пока существует английская корона – да, будет так!

Георг выполняет приказ короля и садится с ним рядом.

Георг. Такая честь для меня, милорд! Но чем я заслужил ее?

Генрих. Ты сегодня спас своего сюзерена, и заслужил право сидеть рядом с ним.

Георг. Но кто эти женщины, которые траурным шествием обходят ложе короля?

Генрих (говорит еле слышно и оглядывается по сторонам). Это государственная тайна! Но тебе, я так и быть, её открою. Это мои королевы!..

Георг. Кто? Ваши королевы!

Генрих (устало). Мои... и ничьи больше.

Георг. Вы четыре раза были женаты, Ваше Величество?

Генрих. Не четыре, а всего-то шесть раз.

Георг. Почему же сейчас я вижу только четырех королев из шести?

Генрих. Слушай Георг, когда ты приплыл в Англию?

Георг. Две недели тому назад.

Генрих. Неужели обо мне ты раньше ничего не слышал?!

Георг. В Европе ходит немыслимое количество слухов о Вашем Величестве, что я не знаю чему можно верить, а чему нет.

Генрих. Ты никому не верь, Хубер. Лучше тебе услышать мою правду обо мне... от меня самого, чем от продажного католика или еретика-протестанта. Может, хоть ты меня не осудишь?!

Георг. Как я могу?!

Генрих. (Пауза). Обо мне и о моих женах тебе лучше расскажет детская считалка, которая звучит примерно так: разведена, обезглавлена, умерла; разведена, обезглавлена, выжила.

Георг. Боюсь, что я не вполне точно понимаю значение этой злой шутки. Значит ли это, что не все ваших жен постигла такая страшная участь?

Генрих. Все так и есть. Ведь я не хотел ни чьей смерти. Ты мне веришь?

Георг. Верю.

Генрих. Я – Генрих восьмой, милостью божьей король Англии, второй сын короля Генриха VII и Елизаветы Йоркской. Уже тридцать восемь лет, как я единовластно правлю моими подданными, но до сих пор, в каждом шёпоте, в каждом стуке, я явственно слышу предательские голоса заговорщиков.

Георг. Но ваш народ вас так любит, Ваше Величество!

Генрих (усмехается). Любит?! Англичанин готов признать любого узурпатора своим любимым королем, если свергнутый монарх был, слаб, добр, миролюбив или гомосексуалистом, на худой конец. С какой-то странной регулярностью смена королевского престола происходит в Англии, каждые 72 года.

Георг. Не может быть?

Генрих (разгневан). Как смеешь ты, ставить под сомнение слова короля! Ты — червь!

Георг. Простите меня, Ваше Величество.

Генрих (немного успокоившись). Если я говорю, каждые 72 года, значит все так и есть. Вот послушай: в 1327 году гомосексуалист Эдуард II проиграл войну против Шотландии, и вскоре был низвергнут с престола, брошен в темницу и убит. Семьдесят два года позднее в 1399 году от рождества Христова, утонченный и добрый король Ричард II отказался вести столетнюю войну с Францией, был низложен и растерзан своими «верными» подданными. Следующие 72 года благочестивый пацифист Генрих VI, который потерял все земли, завоеванные во Франции, и в 1471 его постигла та же незавидная участь. И вот, как раз сейчас истекает этот семидесяти двухлетний срок, и я пытаюсь разглядеть, кто из моих подданных готов примерить английскую корону на своей голове.

Георг. Но ведь вы - Ваше Величество не пацифист, и судя по количеству ваших жен, вы неистовый любитель женщин. И поэтому ваш трон

Генрих (перебивает). Мой трон?! Ты рассмешил меня Георг! Он такой же мой, как и твой.

Георг. Ваше Величество снова изволит надсмехаться надо мной?!

Генрих. Лучшие герольды королевства до сих пор себе ломают голову, какие основания были у моего отца, чтобы претендовать на английскую корону.

Почему ты думаешь, лишился своей головы герцог Бекингем?

Георг. Он совершил государственную измену. Первый герцог Англии сам решил править королевством.

Генрих. И имел все к тому основания.

Георг. Но он угрожал вашему величеству, что поступит с вами так же, как ваш отец обошелся с Ричардом III.

Генрих. Что ж - это и понятно. Герцог Бекингем прямой потомок Ричарда III.

Он ближе всех стоял к английскому трону, и эта была его единственная, но роковая ошибка.

Георг. На все божья воля.

Генрих (ежится от озноба). Как холодно этой зимой в Англии. Подбрось несколько поленниц в камин. Я зябну. Только осторожно, не вспугни тени моего прошлого.

Георг выполняет пожелание короля и укрывает его пледом.

Георг. Ваше Величество, я хотел бы спросить...

Генрих. Спрашивай, лекарь.

Георг. Если вы шесть раз были женаты, то, почему сейчас лишь четыре королевы присутствуют здесь?

Генрих (говорит спокойно). Это те жены, которых я убил.

Георг (невольно вскрикивает). Убили?

Генрих. Так или иначе, но именно я виновен в их смерти.

Георг. И вам было их не жаль?

Генрих. Запомни Георг и за тверди это как «Отче наш», что в политике не может быть такого чувства, как жалость. Если ты позволишь своим чувствам взять над собой вверх, то, считай себя низложенным тираном. Народ любит лишь сильного и властного короля, который не должен, и не имеет права в себе сомневаться. Лучше срубить на сотню безвинных голов больше, чем оставить одну, которая избежит королевского правосудия. (Пауза.) Итак, моей первой женой была Екатерина Арагонская. Она стоит справа в дальнем от меня углу, если я не ошибаюсь. Напротив нее, слева Анна Болейн - моя вторая жена. Рядом Джоанна Сэймор — третья супруга. И, наконец, Екатерина Говард

Георг. От такого количества жён у меня просто кругом идёт голова, и я боюсь, что их никогда не запомню.

Генрих. Мой палач может быстро освежить твою память. Но больше ни слова, ты видишь одна тень, как будто сдвинулась с места и стала к нам, медленно, шаг за шагом, приближаться. Значит, тебе и запоминать ничего не придется. Теперь только смотри, и бога ради не пророни ни слова.

К королю подходит первая женская тень.

Екатерина Говард. Я так виновата перед вами, Ваше Величество.

Генрих. Анна?!

Екатерина. Я - Екатерина Говард – ваша пятая жена.

Генрих (в ярости). Зачем ты пришла? Ты снова решила наставить мне рога.

Блудница!

Екатерина. Всеу виной моя прежняя распутная жизнь и я действительно совершила государственную измену. Простите меня, Ваше Величество!

Генрих (обращается к своему лекарю). Мы поженились с ней именно в тот день, когда лорд-канцлер Томас Кромвель распрощался со своей головой. Я принес Екатерине его голову, как когда-то царь Ирод, восхищенный танцем своей приемной дочери, пожелал отблагодарить земную богиню за неистовую пляску смерти. Так в

угоду женского каприза и царского слова в библейские времена была на блюде принесена голова Иоанна Крестителя.

Екатерина (капризно). Но для Анны вы принесли две кардинальские головы: одну Уолси, другую Фишера.

Георг (крестится). О, боже.

Генрих. Больше крестись протестант. Может и минет тебя чаша сия.

Екатерина Говард. Вы так много для меня сделали!

Генрих. Уходи. Ты опорочила королевское имя.

Екатерина. Но мой король...

Генрих. Прочь от меня Екатерина Говард из Ламберта, что в графстве Сюррей. Твоя плотская и развратная жизнь навсегда разлучила нас.

Екатерина Ховард. Но я признала свою вину и просила ваших подданных при всех обстоятельствах и во всех делах беспрекословно подчиняться вам. Я раскаялась в своем преступлении.

Генрих. Я не хочу тебя больше видеть.

Екатерина. Сжался надо мной, Генрих.

Генрих. Ступай и впредь не появляйся передо мной, потому что я и бесплотный дух могу обезглавить. (Екатерина Говард уходит в слезах).

Георг. Так значит, это была ваша пятая жена в общем списке и четвертая тень?!

Генрих. А ты не так глуп, как кажешься. Но если ты сам говоришь об общем списке, то теперь настала очередь назвать всех своих жен и лучше в обратном порядке для простоты повествования. (Пауза.) Моей настоящей и шестой женой является

Екатерина Пар. Она находится сейчас в добром здравии, и бог даст, переживет меня, так как младше меня на двадцать с лишним лет. Пятую жену ты уже видел. С четвертой женой, Анной Ключе, я развелся. Так что осталось лишь три жены...

Георг. ...Три королевы.

Генрих. ...Три тени.

Георг (уточняет). Те, которые мертвы. Вернее сказать, были убиты вами.

Генрих. Почему ты так дрожишь? Тебе холодно?

Георг. Мне страшно.

Генрих. Это поначалу страшно... убивать. Но со временем: и самый низкий подданный, и самый августейший монарх привыкает ко всему. Ежегодно я казнил две - три тысячи смутьянов. Согласись, что это не так и много. Но этого было достаточно, чтобы укрепить мою королевскую власть.

Георг (считает). Значит, за все ваше правление вы убили примерно сто тысяч человек!

Генрих. Когда убиваешь именем закона, то убиваешь не человека, а преступника.

Но боюсь, что и эта цифра не будет окончательной. Ведь я вёл несколько кровопролитных войн, и, стало быть, число моих жертв может удвоиться.

Но это уже не преступники, а враги. А закон войны гласит: Убей или будешь сам убит.

Георг. Ваша мораль чудовищна. А история не знает столь кровавого прецедента злодеяний королевского произвола.

Генрих (усмехается). Это пока не знает. Пройдёт всего лишь несколько десятилетий, а может быть и веков, и мои злодеяния как ты говоришь, не пойдут ни в какое сравнение с будущими преступлениями правителей против своих и чужих народов. Но я был первым у истоков абсолютной королевской власти, и моему опыту еще будут учиться беспощадные сюзерены.

Георг. Неужели, у вас будут подражатели вашего дела?

Генрих. Не сомневайся в этом лекарь. Будут!

Георг. Бог не допустит.

Генрих. Ты, кажется, забыл, что я являюсь главой не только государства, но и церкви. Так что все сделанное мной сделано по воле и с согласия бога.

Георг. Кошунство даже думать так. Вы, Ваше величество - великий грешник.

Генрих. Король и грешник — две стороны одной медали. (Пауза.)

Георг. Я всегда задавался одним вопросом: «Почему люди хотят быть похоже на тех, кто хуже их?». Но никогда не мог ответить на него.

Генрих. А сейчас?

Георг. И сейчас не могу.

Генрих. Или не хочешь? (Пауза.) Но пойми Георг, что обязанность королей в том и состоит, чтобы проливать кровь тех немногих, которые могут угрожать разрушению государства.

Георг. Сто тысяч человек и есть те немногие, которые должны были заплатить своими жизнями за ваш страх лишиться своей короны?!

Генрих. Будь на моем месте другой властитель, и каждая капля крови, которая пролилась в мое царствование, при слабом короле стала бы кровавым потоком. Я делал это малое зло, во имя нашего доброго и лучшего будущего.

Георг. И все-таки я не могу найти такие слова, которые могли бы оправдать вас перед будущими поколениями!

Генрих. Не ищи их лекарь. Они давно известны мне.

Георг. И что это за слова, которые искупят все человеческие страдания? Где тот эквивалент загубленных безвинных жертв?

Генрих. Я лишь пытался избежать войны.

Георг. Ну, вы сами были зачинщиком многих европейских войн.

Генрих. Сейчас я говорю с тобой, о войне религиозной. Пожалуй, самой страшной из всех политических междоусобиц. Той, которая стояла на пороге моей Англии и грозила ее существованию. И очевидно, что гражданская война алой и белой розы перед этой напастью, каждому здравомыслящему человеку, покажется лишь детской считалкой. Потому что в ней не было бы больше ни победителей Йорков с их маниакальной страстью к власти, ни побежденных Ланкастеров, уставших от бесконечной борьбы. Ни католиков, ни протестантов... Никого. Только одна смерть. (Пауза).

Георг. Дорога в ад по-прежнему вымощена благими намерениями. И вы не первый кто встал на нее. Я вижу, что эта война полыхает в вас самих.

Георг встает со стула и долго ходит по комнате. Его неосторожные движения привлекают внимание следующей тени, которая направляется к королю. Лекарь пытается предупредить своего короля.

Георг (говорит тихо). Вот еще одна тень следует к вам, Ваше Величество.

Генрих. Да, я вижу. Тебе надо было, быть поосторожнее, глядишь, все б и обошлось. Теперь надейся лишь на бога протестант и уповай с молитвой на него.

Тень подходит к королю вплотную и говорит с ним.

Джоанна Сэймор. Доброй ночи милорд!

Генрих. Анна?

Джоанна (говорит кротко). Вот вы меня и забыли. Я Джоанна Сэймор - ваша третья жена.

Генрих. Ах, это ты душа моя. Великомученица. Она столько сделала для меня.

Джоанна единственная моя жена, которая родила мне сына. Слышишь Георг - сына. Продолжателя рода Тюдоров. Наследника! Как долго я ждал его. (Пауза.) Но, к сожалению, бедняжка умерла через две недели после родов.

Джоанна. Роды были тяжелыми, и чтобы ребенок, не задохнулся в материнской утробе, мне сделали кесарево сечение.

Генрих. Она все отдала, и всем пожертвовала, чтобы воплотить мою мечту в реальность.

Георг (воодушевленно). Так Джоанна умерла от родов, и значит, не была убита вами?!

Генрих. Но, так или иначе, я виновен в смерти своих жен и не снимаю ответственности с себя. Если бы не роды, то Джоанна была бы жива!

Георг. Но вашей вины в ее смерти нет!

Генрих (с мольбой). Ты действительно, так думаешь?

Джоанна. Конечно, нет. Женщины всегда будут рожать детей, несмотря на огромный риск не оправиться от родов. Но они оправданно идут на этот шаг, и никакие короли не могут им запретить, становиться матерями. (Королева расчесывает волосы короля.) Ах, мой король ты по-прежнему, мудр и богат как Соломон, силен как Самсон, и красив как Абиссалом.

Генрих. Правда, она ангел.

Георг. Она действительно добрый и красивый ангел, и вы... не демон.

Генрих. Кто же я?

Георг. Наверное, тоже ангел. Но, к сожалению, падший.

Джоанна (обращается к лекарю). Он был так безутешен, когда я умерла. Генрих целых две недели после похорон никому не решался открыть свое сердце, что он уже подыскивает себе новую жену.

Георг (с усмешкой). Две недели траура для короля Англии – это огромный срок.

Генрих. Что протестант, по-прежнему, сеешь свою скверну в моем королевстве?!

Георг. Я лишь воздаю хвалу, Вашему Величеству.

Генрих. Все-таки с католиками дело иметь проще. Правда, они не так сально горят на костре, как твои братья по вере.

Джоанна (обращается к королю). Генрих, как наш сын?

Генрих. Все хорошо. Он здоров, милая. Не волнуйся. С ним ничего, пока я жив, плохого не случится.

Джоанна. Я знаю, дорогой. Ведь ты его так любишь. А теперь я должна покинуть вас.

Генрих. Прощай моя, Джоанна (она уходит). (Пауза.)

Георг. Это как я понимаю ваша третья жена.

Генрих. Да, с ней я был так счастлив. Может потому, что прожил с ней один лишь год.

Георг. И тут же начали подыскивать себе четвертую жену. Для безутешного вдовца вы быстро утешились. И это вы называете истинной любовью?

Генрих (в негодовании). Что ты вообще знать можешь о любви?!

Георг. Я думаю, что настоящую любовь предать нельзя.

Генрих. Ты мудр в словах, но так неопытен и глуп в делах сердечных. Поэтому не понял главного, что ненависть лишь продолжение любви. Пусть и не любимое ее дитя.

Георг (твердо). Нет

Генрих. Любовь — лишь ножны, а ненависть - кинжал, до времени в них заключенный. Но поверь, что однажды сталь вспомнит о своем кровавом предназначении и тяжело отомстит, погубит всех и вся.

Георг. Любовь не может дать начала злу, я это чувствую, чтоб вы мне там не говорили.

Генрих. Ты просто молод и горяч. Но пройдут годы, и ты познаешь, пусть горькую, но истину моих правдивых слов.

Георг. Мне лучше не дожить до вашей мудрости милорд. Гореть мне лучше на костре или страдать на дыбе. Кто предал раз, а ненависть и есть предательство любви, тот, непременно предаст и во второй и в третий раз.

Генрих. И в пятый раз представь себе, что тоже.

Георг. А как же, совесть?

Генрих. Ты что решил допрос мне учинить?! Может, ты раскаяния ждешь от меня или исповеди?

Георг. И не того и не другого. Я глуп, но вижу хорошо, что вам не хватит мужества для сердечной мессы.

Генрих (в бешенстве). Ты хоть раз слышал, как кричат под пытками?!

Георг. Нет. (Пауза.) Но я знаю хорошо, как люди страдают от боли.

Генрих. Сейчас я говорю не о муках слабой человеческой плоти, терзаемой болезнями, а о тех страданиях, те, что, приносит один человек другому. Знаешь ли ты, как неистощим людской разум на изобретения, на детали, на инструменты в этой до конца не изученной области человеческих открытий?

Георг. Могу себе представить!

Генрих. Твое воображение всего лишь искра, в бушующем пламени костра, который полыхает из человеческих останков, и который никогда не догорит дотла. К смерти на костре прибавь сажание на кол, виселицы, тюрьмы, отрезание ушей, носа, языка...

Георг. И это и есть ваша Англия?

Генрих. Не совсем. Я чуть не позабыл, что преступников ещё варят в кипятке и в масле. В целом по приговору суда в Англии карается смертью 123 состава преступления. Каково?

Георг. Это ад!

Генрих. Заметь, сотворённый полностью человеческой рукой.

Георг. Я больше не могу это слышать.

Генрих. Как ты слаб, Георг. Стыдись! А ведь я тебе еще и словом не обмолвился о пытках. Ты что-то слышал о распиливание жертвы, например, или о прессе для черепа, колесовании, дыбе, разрыватели груди, истязание грушей, гарроте, пекторалле. Тебе что по вкусу? (Пауза.) Я тяготеем все же к дыбе. Когда несчастного привязывают к специальной доске, а затем растягивают его тело при помощи вращающихся колес. При этом рвутся только его мышцы, и растяжка доходит до тридцати сантиметров. (Король при помощи рук показывает наглядно эту длину.) А самое главное на теле жертвы не видать никаких признаков пыток.

Георг закрывает уши руками. Но король все говорит,.. говорит,.. говорит.

Генрих. Четвертование – дело другое. Эта пытка чаще всего, затем переходит в казнь. Осужденного кладут с раздвинутыми ногами и вытянутыми руками на два бруска дерева. Палач с помощью железного шеста переламывает ему руки, предплечья, бедра, ноги и грудину. Затем его прикрепляют к небольшому каретному колесу, поддерживаемому столбом. Переломленные руки и ноги связывают за спиной, а лицо казненного обращают к небу, чтобы он принял смерть в этом положении. А иногда наоборот – человек с переломанными костями возводят на костер или вот еще, у него еще живого вспаривают брюхо, вытаскивают наружу его внутренности и их же, жарят перед ним... Каково?!

Генрих ждёт желаемой реакции со стороны Георга, но вдруг замечает третью тень, приближающуюся к нему, и прерывает свой рассказ.

Генрих (говорит со страхом). К нам снова идут! Надо что-то делать? Ну, Георг послушай...

Георг (по-прежнему прикрывает уши руками). Оставьте меня в покое. Это выше моих сил.

Генрих (заворожено смотрит на движущуюся тень). И моих тоже, лекарь. Говорю же тебе, к нам снова кто-то движется!

Георг. Не к нам, а к вам Ваше Величество.

Генрих. Ты не посмеешь оставить меня одного?! Это же, не по-христиански.

Георг. А пытать и убивать людей – это и есть истинные библейские заповеди.

Генрих. Не время сейчас говорить о прошлом протестант, когда твой король нуждается в тебе.

Мрачная тень останавливается в нескольких шагах от короля, как будто раздумывая, вернуться ли ей назад или все-таки заговорить с королем. Видение наконец-то

принимает решение удалиться. Но неосторожные слова Генриха, придают ему силы предстать перед своим монархом.

Генрих. Это ты Анна?

Екатерина. Ты снова бредишь ей. Я - Екатерина Арагонская - ваша законная жена и мать единственной наследницы английского трона - принцессы Марии.

Генрих. Ты принялась за старое, Екатерина. Ты не королева. Ты вдовствующая супруга принца Уэльского.

Екатерина. Нет. Я королева Англии. (Тень сбрасывает с себя монашеское облачение.)

Генрих (стремительно встает со стула). Опять в этом ужасном испанском платье. Зачем ты его носишь?

Екатерина. В знак траура по своему королю.

Генрих. Ты превратила себя в старуху. Ведь тебе нет и сорока лет.

Екатерина. Несчастья изменили мой облик. Когда-то я была красивой и весёлой королевой. Весь двор восхищался мной, но главное я была любима своим супругом и королем. Я благодарила господа за то, что являюсь женой мудрого и справедливого владыки. Короля, который не ищет ни серебра, ни злата, а лишь славу, добродетель и бессмертие. (Пауза.) Я дарила вам детей, но богу было угодно забрать их на небеса. Я до сих пор не могу отойти от этих незаслуженных потерь, так вы еще решили осудить меня.

Генрих. Пойми Екатерина, я не могу идти против законов божьих. Ведь сказано в библии: «Не открывай наготу жены своего брата. Это нагота твоего брата».

Георг (в растерянности). Помилуйте, сейчас я вообще ничего не понимаю. Значит ли это, что ваша первая супруга была женой вашего родного брата?

Генрих. Все так и было. Я вел Екатерину к алтарю, когда еще не было никакого короля Генриха VIII, а был герцог Йоркский.

Георг (обращается к Екатерине). А как звали вашего первого супруга, моя королева?

Екатерина. (Пауза.) Артур был старшим братом короля, но через полгода после нашего бракосочетания он скорпостижно скончался.

Генрих. Но ты утверждала, что ваш брак не был консумирован!

Екатерина. Я и сейчас об этом говорю, и бог моим словам не единственный свидетель.

Генрих. Кто же еще может подтвердить, что ты была в моей постели, девой?

Екатерина. Вы - мой супруг!

Георг. Это правда, Ваше Величество? (Генрих молчит.)

Екатерина. Неужели, вам не хватает мужества признаться в том, что вам и мне известно?

Генрих. А как же показания многочисленных свидетелей, которые утверждали, что на следующее утро после вашей первой брачной ночи, принц Артур вышел из спальни бледный и усталый, при этом заявил: «Что всю ночь провел в центре Испании».

Екатерина. Это ложь.

Генрих. Поверить трудно, чтобы жена полгода, спала в супружеской постели, и осталась девственницей. Но и это сейчас не имеет никакого значения. Ведь в Библии ясно сказано: « Не открывай наготу своего брата» и покончим на этом.

Екатерина. Но в Библии есть, и другая заповедь и вы о ней совершенно забыли, Ваше Величество!

Генрих. Неужели?!

Екатерина. «Если братья живут вместе и один из них умрет, не оставив сына, то жена умершего не должна выходить замуж за чужого человека. Ее деверь должен пойти к ней и взять ее в жены и заключить с ней левиратный брак. И первенец, которого она родит, унаследует имя его умершего брата, чтобы его имя не исчезло в Израиле!

Генрих (кричит). Этот брак действителен только для евреев.

Екатерина (далее наизусть читает отрывок из Библии). «Если человек не захочет жениться на вдове своего брата, то вдова его брата должна пойти к старейшинам, сидящим у ворот и сказать: «Брат моего мужа отказывается сохранить имя своего брата в Израиле. Он не соглашается заключить со мной левиратный брак». Старейшины позовут его и поговорят с ним, и он встанет и скажет: «Я не хочу на ней жениться». Тогда вдова его брата подойдет к нему на глазах у старейшин, снимет с его ноги сандалию, плюнет ему в лицо и скажет: «Так поступают с человеком, который отказывается продолжить род своего брата». И его будут называть в Израиле «Дом того, у кого сняли сандалию».

Генрих. Теологические факультеты университетов Сорбонны, Орлеана, Анжера, Бурже, Тулузы, Падуи, Феррари, Павии, Болоньи, всего одиннадцать числом, рассматривая этот теологический спор, пришли к выводу, что наш брак противоречит библейским канонам.

Екатерина. Это те университеты, где вы сначала запугали деканов, а затем и купили их голоса. Ведь мы прожили с вами в браке 18 лет. Боже, какой позор!

Георг. Неслыханно.

Генрих (обращается к лекарю). Помолчи и не ввязывайся в наш спор.

Георг. Неужели, вы сейчас в одной сандалиии стоите передо мной милорд?!

Генрих. Как смеешь ты, так разговаривать со мной. Ты - раб! Встань, когда обращаешься к королю!

Георг (сидит). Мне даровано право, сидеть в присутствии короля.

Генрих. И клянусь, господом нашим, что этим правом тебе недолго пользоваться! У тебя осталась одна ночь протестант.

Георг. Но зато, какая, Ваша Величество?! Ведь я могу честно и открыто говорить королю Англии, все, что думаю о нем, и о его правлении. Не опасаясь за свою жизнь. По крайней мере, на эти несколько часов,

Генрих. Ты еще будешь горько сожалеть о своих словах. Я еще никому не прощал оскорблений.

Екатерина. Прости его Генрих. Ведь он единственный, кто открыто решился выступить в защиту своей королевы.

Генрих. Ты не королева, а вдовствующая принцесса Уэльская: по законам светским и канонам церкви!

Екатерина. А как же супружеская верность?! Мне испанке приходилось мириться с твоими многочисленными матронами, которые смеялись мне в лицо. (Пауза.) Ну, да бог с этим. Меня сейчас беспокоит лишь то, что моего короля больше пленяет неувядающая слава Александра Великого, чем терновый венок Христа. Сколько горя вокруг вас, Ваше Величество?!»

Генрих. Это не я. Это все мои министры, поэтому я раз за разом беспощадно отрубал им головы.

Екатерина. Ну, конечно, народ слагает легенды о своем короле, который не заседает в королевском совете, а готов проскакать в седле, днем, тридцать миль на охоте, сменяя под собой одного скакуна на другого. А ночью Генрих проводит время в любовных похождениях. Это не он, а его министры-высочки проводят жизнь непопулярные законы, и вашей вины в этом нет, потому что король....

Георг. ...Потому что король на охоте. В этом и заключена ваша иезуитская политика?! - Возложить вину на другого!

Екатерина. За что вы заточили в Тауэр кардинала Уолси?

Генрих. Он был папским легатом и тем самым нарушил закон о королевском супремате.

Екатерина. Но вы сами просили папу об этой должности для кардинала и этим же, его и наказали.

Генрих. Уолси осуществлял свои полномочия в качестве посла кардинала Рима в моем королевстве, и тем самым нанёс ущерб королевской власти. Англия – это закон и каждый, кто его нарушит, будет отвечать по нему.

Георг. И король?

Генрих. Король подотчётен только богу и никому больше!

Екатерина. А вы знаете, что умирая, сказал Уолси?!

Генрих. Не знаю, и знать не хочу.

Екатерина. «Если бы я так же неистово служил богу, как королю, то он не оставил бы меня сейчас седого и слабого старика умирать в одиночестве».

Генрих (оправдываясь). Я послал ему свое кольцо!

Георг. Кольцо?

Екатерина. В Англии есть старый обычай. Когда монарх дарит своему подданному кольцо, то никто не имеет право его судить, прежде чем король или его камергер не сделают это лично.

Генрих. Но я его не осудил!

Екатерина (соглашается). Это чистая, правда, Ваше Величество. Вы оставили его умирать в Тауэре!

Георг. Поистине, королевская милость.

Екатерина. За что вы осудили вашего следующего лорд-канцлера Томаса Мора?

Генрих. Он отказался присягнуть мне и Анне Болейн на верность.

Екатерина (говорит с печалью в голосе). Я не узнаю своего короля. Где же он, мой мудрый и добрый король, которого я когда-то любила и уважала? Ставила выше всех. Мне кажется, что он давно умер.

Георг. Вы тоже были убиты Генрихом?!

Екатерина (пристально смотрит на короля). Ходят слухи, что меня отравили. Но не верьте этому. Просто однажды я устала бороться со всеми несчастьями, которые, находили лишь мою бедную голову. Сначала смерть детей, потом бесчисленные измены моего супруга и, наконец, весь этот весь фарс с разводом. Но и этого королю показалось мало, поэтому он разлучил меня с моей дочерью. Это было последней отравленной каплей, которая и сразила меня. Вот в тот момент я и решила умереть. Я закрыла глаза и больше их не открыла.

Генрих молчит и тяжело садится на стул.

Генрих. Но что же ты молчишь, протестант?! Я жду твоего вердикта.

Георг. Как сказано в Библии: « Не судите и не судимы будите».

Генрих. Много болтаешь. За что, я тебе только деньги плачу. Если ты лекарь, значит, лечи мое тело, а душу оставь священнику.

Придворный лекарь осматривает больную ногу короля, наносит мази и бинтует ее.

Георг. Вашему Величеству противопоказаны любые нагрузки, а вы все время на ногах. Я боюсь, что если вы не внемли те моим советам, то у вас может открыться рана.

Генрих как будто уснул и чуть слышно стонет.

Екатерина. Это опасно?

Георг. Боюсь, что да.

Екатерина. Спасите моего Генриха. Может ему лечь?!

Генрих (приходит в себя). Только не это. Я лучше здесь, на стуле проведу эту ночь, но в постель не лягу.

Екатерина заходит за спину короля, и обнимает его голову.

Екатерина. Мой бедный король.

Генрих (говорит тихо). Это потому что после тебя, у меня так, и не было настоящей королевы.

Екатерина. Ах, какой у тебя был раньше величественный вид Генрих: красивое лицо, пропорции тела, княжеская осанка, - все благородные качества королевского рода. А помнишь, после нашей коронации в Вестминстерском аббатстве сэр Роберт Димок въехал в доспехах на коне в банкетный зал; и призвал каждого присутствующего независимо от ранга и статуса его, признать тот факт, что Генрих VIII является единственным законным наследником престола и, истинным королем этого царства. А кто не согласен с этим, тогда он готов вызвать его на поединок не на жизнь, а на смерть. И на божьем суде доказать правоту своих слов. Ну что же, ты молчишь! Неужели ты все забыл?

Генрих. Этот сэр Димок - хитрая лиса. Он уже дважды проводил такую церемонию. Однажды при коронации Ричарда III, а двумя годами позже при коронации человека, который победил его и расправился с ним. (Пауза.) Как давно это было.

Жаль, что все прошло.

Екатерина. Ты прав... все прошло. И все королевское и все человеческое (уходит).
Пауза.

Георг (говорит примирительно). Мне показалось, Ваше Величество, что Екатерина Арагонская, ваша первая жена любит вас по-прежнему. Только вот за что?

Генрих. Удивительная женщина, и, наверное, я был бы с ней всю свою жизнь счастлив, если бы она подарила мне наследника, и если...

Георг. Что, если?

Генрих (улыбается). Если бы я не встретил Анну!

Георг. Вы все время повторяете это имя. Неужели для вас оно так много значит?

Генрих. Именно с этого имени: для меня, и для всей Англии началась новая эпоха. Да что там эпоха, может целая эра, полная надежд, любви...

Георг. ...И веры.

Генрих. Новой веры, которая навсегда изменила облик старой и доброй Англии.

Признаюсь тебе, что я был лишь простым исполнителем, слугой желаний моей Анны. Лишь ради нее, и в угоду ее прихоти, я правил моим королевством.

Георг (оглядывается в сторону последней тени). Но почему она к нам не подходит?

Генрих. Анна слишком горда, чтобы прийти самой. Когда-то давным-давно я преподнёс ей подарок, в знак моей любви к ней. Но она отказалась принять его. Тогда в следующий раз я решил сделать для нее поистине королевский дар, но и это не смягчило ее сердца. Никогда в истории Англии подданный не наносил столь неслыханного оскорбления своему властителю, даже не взглянув на его дары.

Ну, может, ещё ты позволяешь себе, так свободно говорить со своим монархом.

Георг. Простите меня, Ваше Величество.

Генрих (рассказывает дальше). Весь, сгорая от любви, и ревности я решил сам прийти к Анне и потребовать ответа, что не устроило ее в тех подарках, которые я преподнес ей. Но она лишь улыбнулась мне, и гордо заявила: «Наконец-то я получила тот подарок, который дороже для меня всего на свете». После этих слов Анна обняла меня и поцеловала

Георг. Анна... Болейн. Ваша вторая жена?!

Генрих. Она королева моего сердца. Если ты хочешь сделать приятное своему королю, и чтобы он простил тебя, то, походи к ней, и попроси ее прийти ко мне. Я так давно ее жду. Скажи Анне, что лишь моя больная нога не дает мне возможность лично просить ее об этой услуге.

Георг. Да, Ваше Величество. Всегда к вашим услугам.

Георг подходит к четвертой тени, и долго говорит с Анной. Но в конце-концов, в одиночестве, возвращается к королю.

Генрих. Ты один?

Георг. Анна отказалась прийти к вам, Ваше Величество.

Генрих. Почему?

Георг. Этого я не могу, знать наверняка. Она лишь поблагодарила вас за приглашение и пожелала Вашему Величеству скорейшего выздоровления.

Генрих. Что ты ей сказал? Был ли ты с ней достаточно учтив? Ведь она так ранима.

Георг. Я лишь повторил вашу просьбу, ни сколько не скупясь на комплименты. Но я не знаю, можно ли это говорить.

Генрих. Ну, говори же, что ты медлишь.

Георг. Мне показалось, она была не очень рада, когда я назвал ее вашей королевой. Более того, она произнесла странную фразу...

Генрих (с нетерпением). Так что слетело с ее нежных уст?!

Георг. Анна Болейн заявила: «Что титул королевы в Англии, после ее казни обесценен».

Генрих. Тогда пойдя к ней, и попроси ее прийти ко мне не как королеву, а как мою любимую жену.

Хубер выполняет просьбу короля, но снова безуспешно.

Генрих (заискивающе). Что на этот раз не устроило ее?

Георг. Она ответила, что лучше быть любовницей короля, чем его любимой женой.

Генрих. Вот в этом и есть вся Анна. Любое действие или слово, которое бы устроило всех женщин на земле, для неё просто недостаточны.

Георг. Мне кажется, что она ждет от вас других слов!

Генрих. Это я уже понял, но каких? (Пауза.) Ах, ну, да, как я мог забыть. Снова отправляйся к ней и скажи, что король хочет видеть свою маркизу Пемброк.

Георг. Сейчас я ничего не понимаю. Но мне кажется, что Вашему Величеству давно пора сделать выбор; хотите ли вы видеть Анну Болейн или все-таки маркизу Пемброк?!

Генрих. Глупец. Ведь Анна Болейн и маркиза Пемброк — это все она, моя королева. Этот титул я подарил ей до нашего венчания и коронации. Ну, что ты медлишь. Иди же к ней, стой на коленях, умоляй ее, проси, но без нее не возвращайся, если жизнь тебе дорога.

Георг. Я все-таки ваш лекарь, Ваше Величество, а не гонец. Мне надо подумать, как помочь вам и себе, чтобы сохранить свою голову. Я дорожу ей, все-таки не лишняя деталь для человека.

Генрих. Так думай поскорей и приведи ее ко мне.

Хубер уходит и снова возвращается ни с чем.

Георг. Как все не просто в отношениях людей, а тут с бесплодным духом мне приходится общаться. К тому же женским, и упрямым, как я не знаю что.

Генрих. Что ответила тебе маркиза на мою просьбу?

Генрих. Анна, как мальчишку меня отчитала и заявила следующее: «Что буквально на днях возвратит вам 1024 фунта, 13 шиллингов и два пенса.

Генрих. Каких еще два пенса? Ты что издеваешься над королем?

Георг. Была бы мне охота. Я лишь передаю вам слова маркизы Пемброк. Ведь это именно та сумма, в которую обошелся для казны ее титул.

Генрих. Все пропало! Теперь она ни за что не простит меня. А может...

Георг. Говорю же вам, что я бессилён уговорить Анну. Идите вы... Ваше Величество и сами и обо всем договаривайтесь. Лично я не сдвинусь больше с места.

Лекарь и король, так увлечены жаркой перепалкой между собой, что не замечают, как четвертая тень стоит уже рядом.

Генрих. Я тебе приказываю снова обратиться к Анне с нижайшей просьбой.

Георг. Это бесполезно Ваше Величество. Лучше казните меня.

Генрих. Это сделать никогда не поздно.

Георг. Даже, с моей отрубленной головой, маркиза не взглянет в вашу сторону, если сама этого не пожелает. Как вы этого не понимаете?

Анна (неожиданно). Видишь, Генрих твой лекарь, оказывается, знает меня лучше, чем ты!

Генрих (восторженно). Анна? Ты пришла!

Анна. Я прихожу лишь по своей воли, и только к тем, кто действительно достоин моего внимания.

Генрих. Я так тебе рад.

Анна сбрасывает с себя черное монашеское одеяние, и оказывается в ослепительном белом платье. Даже свет в опочивальне короля начинает гореть ярче.

Георг. Как она прекрасна! Никогда не видел ничего подобного.

Генрих. Не смотри на нее. Она моя... моя... моя.

Анна. Мой король меня ревнует!

Генрих. Твой верный слуга тебя любит, как и прежде.

Анна. Любит и ненавидит.

Генрих. Не говори так. Ты лучшее, что было в моей жизни.

Анна. Пусть так. Но я тебе все равно не верю.

Генрих. Но Анна...

Анна. Я знаю Генрих, что ты снова отречешься от меня. Впрочем, это уже было и не раз.

Генрих. Никогда больше... никогда. Я клянусь тебе.

Анна. Как ты изменился Генрих. Я тебя совсем не узнаю.

Генрих (гордо). Я король Англии, Франции и Ирландии. Вот и Георг может подтвердить мои слова.

Хубер кивком головы подтверждает слова Генриха VIII.

Анна. Да, ты ли это?

Генрих (пристыжено). Я сильно постарел, что же, годы берут своё, а ты все так же молода и прекрасна. Как тебе это удаётся? Ты что открыла эликсир вечной молодости!

Анна. Это все благодаря тебе, мой Генрих. Ты меня убил, и время для меня остановилось. Оно теперь не властно надо мной. Так что это твой эликсир с чудодейственным названием — смерть.

Георг. Так он и вас приказал убить?

Анна. Увы, а может, к счастью.

Генрих. Это была моя не поправимая ошибка, о которой я так много и часто сожалел, но не в силах был ее исправить. Ах, если б жизнь начать сначала или хотя бы вернуть на несколько лет назад. Я ничего не пожалел бы... Я не хочу с тобой больше расставаться, моя Анна.

Анна. Твоя?

Генрих. Моя. И ничья больше

Анна. Так ты по-прежнему готов все сделать для меня?

Генрих. Все, что пожелаешь. Проси, и я исполню, все, что в силах человека и короля

Анна (после некоторого раздумья). Тогда давай танцевать.

Генрих. Танцевать?

Георг. Танцевать?

Анна. Да, я обожаю танцевать.

Генрих (глаза слезятся). Девочка моя,... я не могу.

Анна. Но ты ведь обещал.

Генрих. Я еле стою на ногах. Но не расстраивайся душа моя. Я попробую...

Король с трудом встает со стула, ему помогает лекарь, он подводит его к Болейн, и раздается музыка. Генрих и Анна танцуют, но пожилой мужчина не поспевает за молодой и грациозной женщиной. Их движения асинхронны, король то и дело сбивается с музыкального ритма. Георгу больно смотреть на старость, которая из последних сил пытается угнаться за молодостью. Вскоре Генрих просит Георга заменить его. Лекарь и королева танцуют вместе. Король заморожено наблюдает за Анной. Постепенно музыка умолкает.

Анна. Я хочу ещё танцевать!

Генрих. Довольно, Анна. Сжался надо мной. Я не могу смотреть, как ты танцуешь с другим.

Анна (подходит к Генриху). Но на балу положено танцевать.

Генрих. Какой же это бал. Когда один хромой старик, другой безусый юнец, и ты!

Анна. Ты опять меня ревнуешь? Ах, какой был сказочный бал в Кале. Семь благородных дам в масках вошли в большой зал, и стали приглашать на танец короля Франции и вельмож его свиты. Затем ты сорвал маску с леди Мэри Говард, потом леди Дерби, за ней леди Фицуолтер. Вскоре очередь дошла и до леди Рочфорд, леди Лисель, леди Уоллоп, и в самом конце, с маркизы Пемброк.

Генрих. И ты была прекрасней всех! Как бы я желал забыть тот день.

Анна. Но почему, Генрих?

Генрих. Ведь ты целый час танцевала с Францем – королем Франции.

Анна. Но ты же сам меня об этом просил. Ты говорил, что это политика и так нужно.

Генрих. Но не целый час танцевать и кокетничать с ним. Это не политика – это измена.

Анна. Ты хочешь меня снова убить?

Генрих. Не смей так говорить. Ты делаешь мне больно. Лишь государственные интересы заставили меня, вынести тебе смертный приговор.

Анна. Тебе во всем видится измена.

Генрих. Я внимательно следил за тобой и видел, как Франц тебе что-то нашептывал на ушко. Ты не хочешь мне рассказать, что именно?

Анна. Я не могу этого сделать.

Генрих (говорит ели сдерживаясь). Вот видишь, значит, приговор тебе был вынесен по праву. Пока еще не поздно открой мне эту тайну.

Анна (твердо). Нет.

Генрих (кричит). Стража! Стража!

Снова в спальню короля входят стражники и офицер.

Генрих. Увести королеву и бросить ее в Тауэр.

Офицер. Королеву?

Генрих. Да.

Офицер. Будет исполнено, Ваше Величество (отправляется в покои королевы).

Георг (говорит тихо королю). Надо их остановить. Ведь они сейчас арестуют здравствующую королеву

Генрих (в раздумье). Пожалуй, ты прав! Стража, приказываю заключить Анну Болейн в Тауэр!

Офицер (удивленно). Но это невозможно, Ваше Величество.

Генрих. Что ты сказал?

Офицер. Анна Болейн, обезглавлена!

Анна стоит рядом и нарочито смеется королю в лицо. Король растерян и с мольбой смотрит на Георга.

Георг (оправдывается за Генриха). Королю привиделся страшный сон, и он все еще находится под его воздействием. Так вы говорите офицер, что правосудие над Анной Болейн свершилось?!

Офицер. Да. Десять лет тому назад.

Генрих. Тогда почему я вижу ее перед собой: живой и невредимой?

Офицер (в замешательстве). Живой... невредимой.

Георг (взмахом руки просит уйти стражу). Идите. Королю надо остаться одному. Он ещё не пришёл в себя.

Офицер настороженно ждет приказа от короля, но, так и не дождавшись его, следует указаниям лекаря.

Генрих. Почему ты так смотришь на меня, Анна?

Анна. Как так?!

Генрих. В твоём взгляде я вижу лишь презрение ко мне.

Анна. Неужели, только презрение мой король?!

Генрих. Не разрывай мне сердце, Анна. Будь великодушна к старику.

Анна. Чего ты хочешь?

Генрих. Я хочу знать, что говорил тебе целый час Франц, а ты ему все время улыбалась.

Анна. Ничего такого, что могло бы заинтересовать твой тайный совет. Никакого заговора не было.

Генрих. Это я буду решать, была измена или нет.

Анна. Ты просто несносен, Генрих. (Пауза.) Хорошо будь, по-твоему. Франц твердил мне, что сам бы женился на мне, если бы не был женат.

Генрих. Я так и знал. Ни одному французу нельзя верить.

Анна. И это говоришь ты, кто все время уверял Франца в своей вечной дружбе, и неизменно готовил против него враждебный союз. Сколько раз огнем и мечом ты разорял эту страну, и пор сей день во Франции тобой пугают младенцев и поют песни о жестоком и коварном короле Англии, который приносит одни лишь несчастья.

Генрих. Я король и каждый из моих подданных обязан мне подчиняться, потому что бог возложил на царей, и регентов правящих на его месте, править миром через них. Тот, кто игнорирует этот закон, бросает вызов самому богу, и должен быть проклят.

Георг. И даже, если король величайший из тиранов?

Генрих. Пусть он хоть деспот мира. Король может делать правильное и неправильное, но он подотчетен только Богу. Это божья заповедь подчиняться своему королю.

Анна. А о заповеди совести человеческой ты совсем забыл?

Генрих (гневно). Ты все-таки продалась французскому королю и изменила мне с ним!

Анна (спокойно соглашается с обвинениями). Ты прав, Генрих. Что было, то, было.

Генрих. Ты слышишь Георг, она сама призналась, что прелюбодействовала с французским королем. За такое сжигают на костре. Стража. Стража!

Георг. Не надо стражников милорд. Пусть хоть они вздремнут немного.

Генрих. Но Анна изменила мне!

Георг. И что с того! Ведь изменила вам - она же с вами.

Генрих. Как это может быть?

Георг. Но вы же король не только Англии и Ирландии, но и Франции. Черт бы вас побрал.

Генрих (задумчиво). Ах, вот в чем дело! Коварная протестантка снова провела меня вокруг пальца.

Анна (гордо). Да, я протестантка. Католики утверждают, что у меня на руке не пять пальцев, а шесть, как у сатаны. (Снимает с руки перчатку.) Сейчас проверим: раз, два, три, четыре, пять. Жаль, что всего лишь пять.

Генрих. Разреши мне их поцеловать?!

Анна. Ты что будешь целовать руку коварной протестантки, которая находится по твоим словам на иждивение французского короля.

Генрих. Буду. Мне все равно. Я хочу их целовать (целует). Мои красивые, тонкие пальчики. Я прикажу снять с них гипсовую маску, чтобы все видели, каким богатством владеет Генрих VIII - король Англии, Франции и Ирландии.

Анна. Уже, нет.

Генрих. Ты сводишь меня с ума! Ведь только ради тебя, я расколол эту страну пополам, отказался от истинной веры, развелся со своей доброй и благородной женой. Но клянусь тебе, я готов это сделать еще тысячу раз, чтобы получить от тебя прощение. Чем я могу заслужить твою благосклонность?

Анна. Прочти твои письма ко мне.

Генрих. Письма?! Я помню их все наизусть. Какое же из них?

Анна. На твоё усмотрение. (Пауза.)

Генрих. Может быть это: « Моя госпожа и подруга, себя и свое сердце, я передаю в ваши руки и прошу вас не лишать меня вашего расположения, и проявить ко мне свою благосклонность и не обречь вашего верного подданного на вечную разлуку с вами. Это было бы еще более жестоко, и принесло бы мне еще больше горя, поскольку ваше не долгое отсутствие и так, сразило меня. Я сокрушён тем обстоятельством, что за свою любовь, я должен расплачиваться разлукой с тем существом, которого я ценю в этом мире превыше всего. И если бы вы проявили ко мне свое расположение, потому что верю, что и вам эта разлука приносит огорчения, но, прежде вашему слуге, чем его госпоже. Как я скорблю в ваше отсутствие.

Я надеюсь, что и Вы не хотите, чтобы все так продолжалось и впредь. Но если обнаружится, что это разлука и есть ваше истинное желание, то мне не останется ничего другого, как укротить мою дику и глупую страсть. Итак, я умоляю вас от всего сердца, выразить мне Ваши истинные намерения о судьбе моих чувств. Только страждущая необходимость заставляет меня требовать ответа, так, как вот уже больше года, как я сражён любовной стрелой Амура, и до сих пор не знаю, или я проиграл, или нашел в вашем сердце долгожданную любовь. Лишь эта неопределенность останавливает меня в последнее время назвать вас своей госпожой, но, если бы вы проявили ко мне заурядную симпатию.

Когда же вы в действительности станете моей возлюбленной и другом, и пожелаете возблагодарить меня и телом и душой, того, кто является вашим верным слугой и всегда им будет (до тех пор, пока ваше чёрствая сердечность не запретит этого), и тогда, обещаю вам, что вы не только званием моей госпожи будите, облачены, но назову вас своим единственным владыкой, и всех других, которые осмелятся оспаривать это звание, изгнать из своих мыслей и расположения, чтобы служить лишь вам одной. Написано рукой того, кто с удовольствием желал бы стать вашим. Неизменяемый Генрих".

Анна. Как печально.

Генрих. Но почему?

Анна. Потому, что я пережила твою любовь ко мне. Мне надо было раньше умереть...

Генрих. Нет, ты ее не пережила. Она навсегда со мной, как стальной клинок, нацеленный в сердце. Я все время ощущаю пустоту внутри себя. Ведь в моей жизни нет главного, в ней нет, тебя. Подойди же ко мне, моя королева. Сядь ко мне на колени, дай вдохнуть свежий запах твоего дыхания, прикоснуться к твоему молодому и красивому телу, затеряться в твоих смолёных волосах, окунуться в голубые озера твоих глаз. Позволь мне сложить свою голову на твоей груди.

Анна садится к Генриху на колени.

Генрих. Жена моя. И как сказано в библии: « И оставит мужчина отца и мать и прилепится к своей жене, и станут они одной плотью». (Король плачет.) Сколько

нерастроченной нежности во мне. Ну, почему человек так самолюбив и глуп, и не открывают своего сердца тому, кто ещё рядом с ними... Потому что час расставания ближе, чем он это себе представляет.

Анна (обнимает короля). Мой Генрих. Мне снова хочется жить.

Генрих. Ты моя единственная королева.

После этих слов Анна встает с колен короля и проходит в глубину сцены, чтобы никто не видел ее слез.

Генрих. Ты снова мне не веришь? Когда-то я все королевство заставил поклясться на верность тебе. Ты помнишь?

Анна. Да. (Пауза) Сколько времени прошло с тех пор.

Генрих. А хочешь я, снова издам королевский указ, и твои верные подданные склонят свои гордые головы перед тобой. Георг подойди ко мне и повторяй за мной.

Георг выполняет указания короля и вторит Генриху.

Генрих. Я Генрих Тюдор...

Георг. Я Георг Хубер.

Генрих. ... Даю клятву служить своему королю, и никому больше в этом королевстве и ни какой другой власти, и признаю брак короля с Анной Болейн законным и присягаю на верность. Также я признаю все законы, которые были приняты парламентом с 1529 года и обязуюсь их беспрекословно исполнять. Клянусь, и целую крест.

Георг. Клянусь, и целую крест.

Анна. Скажи, Генрих, меня, по-прежнему, ненавидит мой народ и называет английской Мессалиной?

Генрих. Каждый, кто это сделает, будет казнен.

Анна. Не надо больше казней, Генрих. Прошу тебя. Просто ответь мне на вопрос. Но мне не нужна великодушная ложь. Только, правда. (Генрих молчит.) (Анна тяжело вздыхает.) Спасибо, что не солгал. Я думала, что хоть после моей смерти я буду любима моими подданными. Но чуда так и не случилось. Это ты во всем виноват!

Генрих. Я?

Анна. Твоя новая страсть - Джоанна Сэймор. Зачем ты приказал казнить моего брата, обвинив его и меня в кровосмешении?! Зачем ты убил еще трех моих любовников, которых у меня никогда не было?! Ты опозорил мое честное имя.

Генрих. Но с ними ты готовила заговор против меня.

Анна. Ты болен, Генрих. Тяжко. Ты никому не веришь, и за это расплачиваемся все мы. Вся Англия уставлена эшафотами, виселицами, кольями, презрительными столбами. Запах сгоревшего человеческого мяса стоит в ней, как английский туман.

Генрих. Неправда. Еще никогда в Англии не было столь доброго и справедливого короля.

Анна. Во что ты обратил свое бедное королевство?!

Генрих (в ярости). Стража!

В спальню короля вбегает офицер.

Генрих. Увести эту протестантку и сжечь на костре.

Офицер стоит в растерянности посреди комнаты, и, пользуясь моментом, незаметно покидает покои короля.

Анна. Вот ты уже в третий раз отказался от меня.

Генрих. Я? Когда? Не может быть. (Пауза.) Значит, я снова тебе предал!

Анна. Впрочем, я все это знала заранее.

Генрих. Но ты говорила своим любовникам, что я ...

Анна (твердо). У меня не было любовников.

Генрих. Нет, были.

Анна. Теперь я сожалею, что их на самом деле не было.

Генрих (настаивает). Но ты утверждала, что я... импотент.

Анна. Это ложь! Клянусь тебе, Елизаветой.

Генрих. Но Анна, это правда. Я действительно не так силен, как прежде.

Анна (грустно улыбается). Ах, вот ты сейчас о чем! Но этой правдой я тоже ни с кем не делилась.

Генрих. Так никто не знает, что король Англии немощен?!

Анна. Никто. Будь спокоен. Твоя слава, короля - любовника останется, как и прежде непреходящей.

Генрих. Теперь я снова тебе верю.

Анна. А я должна с тобой проститься, Генрих.

Генрих. Когда?

Анна. Сейчас.

Генрих. Куда ты отправляешься?

Анна. В Тауэр.

Генрих. Зачем?

Анна. Мне надо подготовиться к собственной казни.

Генрих. Я никуда тебя не отпускаю.

Анна. Завтра я должна хорошо выглядеть.

Генрих. Но ты и так прекрасна.

Анна. И исповедоваться, тоже надо не забыть, чтобы получить прощение всех своих грехов. За двадцать шесть лет, так много накопилось.

Генрих. Не понимаю. Но кто вынес тебе такой безжалостный приговор?!

Анна. Один тщеславный и жестокий король

Генрих. Ты должна назвать мне его имя, и я сейчас же объявлю ему войну.

Анна. Не надо больше крови, Генрих. Тем более из-за меня. Я не хочу.

Генрих. Тогда я сам, паду перед ним на колени и буду его смиренно просить о помиловании для тебя. Я буду ползать у его ног, как верная собака. Ведь он великодушный король, он не сможет отказать старику, и он простит тебя. Напишу ему прошение о помиловании.

Анна. Нет.

Генрих. Ты гордая, я знаю. Но что значат несколько слов, когда решается вопрос о твоей жизни?!

Анна. Есть истина, которая дороже жизни. И имя ей - моя незапятнанная честь.

Генрих. Я верю тебе, Анна. И король поверит...

Анна. Я слишком хорошо, знаю этого тирана. Он хищный лев, почувствовавший однажды запах свежей крови, он не упустит своей жертвы. Нет, писать я ничего не стану.

Генрих. Как же нет. Но что я буду делать без тебя. Ты обо мне подумала?

Анна. Тебе останется не так и мало. Ты будешь... вспоминать меня.

Генрих. Может, бежать из Тауэра? Я устрою твой побег.

Анна (гордо). Королева Англии не бежит от правосудия. Она сама ищет его и находит.

Генрих. Тогда давай умрем вместе!

Анна. А Елизавета?

Генрих. Никого нет в мире кроме нас. Есть только ты и я.

Анна. ...И безжалостный король. Но он тоже будет милостив, и позволит мне умереть не на костре, не от топора мясника, а от меча... острой и лучшей в мире фламандской стали. Завтра утром меня выведут на эшафот во внутренний дворик Тауэра, где к счастью будет совсем немного моих подданных. И я скажу: «Да хранит Бог короля, чтобы он долго правил над всеми вами, потому что никогда в Англии еще не было столь доброго и милостивого сюзерена; каким он был и для меня;

снисходительным и великодушным монархом и господином». Вот только руки у меня будут дрожать. Эту единственную вольность, которое позволит себе слабое тело королевы Анны перед сильным духом маркизы Пемброк. Мне не удастся снять ожерелье со своей шеи. Нить порвется, и жемчужины застучат по тесаным доскам эшафота, как капли ещё не пролитой, безвинной крови.

Генрих (страшно кричит). Нет.

Анна. Успокойся, Генрих. Ты не мог бы оказать мне последнюю услугу?

Поверь это такая мелочь для тебя.

Генрих. Все что прикажешь...

Анна. Мне необходимо двадцать фунтов.

Генрих. Зачем они тебе?

Анна. Не мне. Двадцать фунтов я должна заплатить своему палачу-католику.

Представляешь, с какой ненавистью и злобой он нанесёт мне свой удар. Я ничего не почувствую. Ничего.

Генрих роется в карманах своего халата и отсчитывает Анне двадцать фунтов.

Анна. Спасибо, Генрих (целует его на прощание). Прощай.

Генрих пытается ухватиться за полы платья Анны, но падает. Анна снова надевает на себя монашеское одеяние из мешковины и медленно уходит. С каждым ее шагом свет на сцене становится все приглушеннее.

Генрих (кричит ей вслед). Не уходи, Анна! Давай, умрем вместе!

Анна. Поздно Генрих... слишком поздно. Я давно мертва.

Генрих катается от страданий по полу и рвет на себе волосы и одежду. Проходит какое-то время. Лекарь помогает встать своему королю с пола.

Георг. Ваше Величество!

Генрих (приходит в себя). Надо спасти, Анну! Я напишу ее бессердечному королю. Дай мне бумагу, перо и чернила.

Георг. Не надо никому писать.

Генрих. Ты что ополоумел. Дорога каждая минута.

Георг. Повторяю, это бесполезно.

Генрих. Почему?

Георг (выходит из душевного равновесия и вырывает перо из рук короля). Потому что этот жестокий и коварный король – вы и есть, Ваше Величество.

Генрих. Лжешь. Стража! (Стража не слышит.)

Георг. Вы тоже меня хотите казнить? Ну, да, наступило утро, и ночь королевской милости прошла. Но прежде чем вы арестуете меня, я хочу спросить вас. Ведь Анна так и не признала своей вины?

Генрих (резко). Нет.

Георг. Тогда и мне не страшно умереть.

Генрих. Стража! Стража!

На сцене появляется офицер.

Генрих. Пригласите, писаря. (Пауза.) (Он входит.) Пиши королевский указ. Я, Генрих VIII назначаю первым лорд-канцлером Англии, Георга Хубера и дарую ему и его потомкам вечное право сидеть в присутствии короля.

Георг. А если Англией будет править королева, значит ли, это Ваше Величество, что ваш указ будет не действительным?!

Генрих. Такого еще не было в истории, чтобы королева правила страной.

Писарь. Прошу прощения Ваше Величество, но это уже было в истории Англии. Королева Маргарет 700 лет назад единолично правила страной.

Генрих (повторяет). Маргарет? Королева Маргарет! Королева Мария?! Королева Елизавета?!

Георг. Что вы сказали, Ваше Величество?

Генрих. Нет, это я так, подумалось... Твои права Георг защищены английской короной и неважно сильный мужчина сидит на троне или слабая женщина.

Король подписывает указ о назначении на должность лорд канцлера Георга Хубера.

Генрих. Ну, вот и все. Осталось лишь королевскую печать приложить к указу.

Писарь. Я принесу ее сейчас (уходит писарь и офицер).

Георг. Но в Англии опасно быть не только супругой короля, но и его министром. Разве не кардинал Уолси великий человек и он не правил царством, как ему вздумается? Но что с ним случилось? Разве он не умер как преступник в Тауэре? И сэр Томас Мор, лорд-канцлер Англии, он не управлял империей, а? Какова его судьба? Разве он не был казнен? А лорд-хранитель печати Кромвель не разделил позднее участи всех своих предшественников. И значит, в один прекрасный день своей головы лишусь и я.

Генрих (с ненавистью смотрит на своего нового лорд-канцлера). Будь уверен, что завтра я напишу другой указ. И твои опасения за судьбу моих несчастных министров полностью подтвердятся. Ты и впрямь сегодня много видел, и поэтому недолго будешь занимать эту должность. (Пауза.) Почему ты молчишь?

Георг. Я думаю.

Генрих. О чем?

Георг. По роду своей профессии мне часто приходится видеть человеческую кровь, но, представьте Ваше Величество, что я не нашёл ни одного отличия между вашей кровью и кровью любого вашего подданного.

Генрих. И это слова моего лорд канцлера!

Георг. Это всего лишь его мысли, высказанные вслух...

Генрих. Но что прикажешь мне сейчас делать, Георг?! Ведь ты мой лорд-канцлер и я нуждаюсь в твоём совете.

Георг. Но чем бедный лекарь может послужить своему королю?

Генрих. На столе лежит мое завещание. Прикажешь мне его подписать или нет?

Георг (подходит к столу, берет свиток в руки и читает завещание вслух). Я, король Генрих VIII согласно закону о престолонаследовании передаю корону своему сыну принцу Эдуарду и его потомкам. Если принц умрет не оставив после себя потомков, то корона переходит к его дочери Марии и ее потомкам, при условии, что она не выйдет замуж без письменного согласия большинства членов регентского совета, ранее учрежденного для принца. Под такими же условиями и дочь Елизавета и ее потомки наследуют английскую корону или же дочери его родной сестры и ее потомки.

Генрих. Так каким будет твой совет?

Георг. Вы снова все хотите переложить на бедную голову о лорд-канцлера, а самому остаться в стороне.

Генрих. Разве ты так ничего не понял. Ведь за все, что происходит в Англии, несу я ответственность перед богом, поэтому и подписываю каждый приговор собственноручно. Ну!

Георг (ревностно приступает к обязанностям лорд-канцлера). Политические интересы Англии на сегодняшний момент требуют...

Генрих. Остановись, лорд канцлер. Ни слова больше. Что значит сегодняшние интересы страны? Ведь завещание – это всегда обращение в будущее, и никакой сегодняшний день, тем более вчерашний, здесь не при чем. Политика приходит и уходит, а подписанное завещание – это уже история.

Георг. История чего, Ваше Величество?

Генрих. Клянусь богом, ещё никогда у меня не было столь глупого лорд-канцлера. История всего: истории человека, семьи, рода, государства и целой страны, быть может, целой империи, в которой даже солнце никогда не будет, заходить за горизонт.

Георг. Тогда подписывайте завещание Ваше Величество, и дело с концом.

Генрих (подписывает завещание и начинает жаловаться на свое здоровье). Как я устал! Подведи меня к постели, мой последний лорд-канцлер.

Снова под окном раздаются многочисленные удары топоров.

Генрих. Что это?

Георг. Скорее всего, строят новый эшафот в Англии.

Генрих. Ты не прав, Георг. Это создаётся могучий британский флот. Творится великая империя. И мы с тобой сделали к этому лишь первый шаг.

Георг. Мы?

Генрих. Да, все мы. Один я был не в силах.

Георг. А это стоило того?

Генрих. История нас рассудит.

Георг. Утро встаёт над Англией, Ваше Величество.

Генрих (ложится в постель). Я отдохну немного и снова за работу.

Георг. Спите, Ваше Величество.

Генрих. Ты не оставишь меня?

Георг. Никогда. Я вам поклялся в этом.

Георг отходит от кровати короля, и смотрит, как догорают дрова в камине.

Генрих (бредит). Анна... Анна. Теперь мы никогда не расстанемся. Я иду к тебе.

С тревогой лекарь подходит к постели короля, и видит, что Генрих VIII умер. Рука монарха безжизненно свисает в воздухе. Георг собирает его руки на груди и закрывает его глаза.

Георг (молится). Да упокоит бог вашу грешную душу.

В комнату входит писарь.

Писарь (говорит громко). Ваш указ, Ваше Величество...

Георг (подносит указательный палец к своим губам). Тсс-с. Король спит. Не надо его тревожить. Он заслужил покой.

Писарь (обращается тише). Тогда я зайду позднее (передает указ Георгу и тихо уходит).

Георг. Спи с миром, Генрих VIII, король Англии, Франции и Ирландии. Супруг шести королев. На все божья воля.

Георг Хубер бросает в огонь указ о своём назначении на должность лорд-канцлера Англии, и долго смотрит на пылающий свиток.

Занавес

P.S. Еще несколько дней никто из приближенных, так и не решится объявить подданным короля, что Генрих VIII умер. И лишь 31 января 1547 года герольды объявят о том, что на престол вступил несовершеннолетний король, Эдуард VI.